

ПОЛИТИКИ ПАМЯТИ И КУЛЬТУРНАЯ ДИНАМИКА / POLITICS OF MEMORY

Татьяна Борисовна КУДРЯШОВА / Tatiana KUDRYASHOVA

| Внутренняя форма языка и культурная динамика / The Inner Form of Language and Cultural Dynamics |

Татьяна Борисовна КУДРЯШОВА / Tatiana KUDRYASHOVA

*Ивановский государственный химико-технологический университет, Иваново, Россия
Кафедра философии, заведующий кафедрой, доктор философских наук**Ivanovo State University of Chemistry and Technology, Ivanovo, Russia
Professor, Head of the Department of Philosophy, Doctor of Sciences in Philosophy
kudryashovs@mail.ru*

ВНУТРЕННЯЯ ФОРМА ЯЗЫКА И КУЛЬТУРНАЯ ДИНАМИКА

THE INNER FORM OF LANGUAGE AND CULTURAL DYNAMICS

В статье рассматривается вопрос о развитии культур в их единстве и разнообразии. Полагается, что каждая культура характеризуется ее языком: национальная – национальным, научная – научным, художественная – художественным и т.д. Утверждается, что эмпирическое разнообразие языков культуры прежде всего обусловлено разнообразием их внешних форм, нередко, случайных. Однако сосуществование и направление динамики внешних форм обусловлены как внутренней формой каждого языка культуры, так и внутренней формой культуры в целом. Внутренняя форма – это виртуальное основание культуры, характеризующее ее становящуюся онтологию, цель и способ существования, стиль, смысл, творческий характер и возможности ее целостного переживания субъектом.

Ключевые слова: внутренняя форма языков культуры, внешняя форма, виртуальность, единство языков культуры, творчество, развитие.

The article is devoted to the question of a culture development in its unity and diversity. It is believed that each culture is characterized by its language: national – national, scientific – research, art – art ones, etc. It is alleged that empirical diversity of culture languages is caused by variety of external forms, often random. However, the coexistence and the dynamics direction of external forms are due to both the inner form of each culture language and inner form of culture in general. Inner form is a virtual base of culture, purpose and way of being.

Key words: inner form of culture languages, the external form, virtuality, unity of culture languages, creativity, development.

В спектре знаковых для культуры категорий особое место занимает категория «формы», поскольку при обобщенном взгляде на окружающий мир очевидно, что все в нем начинается с формы, все формой же и заканчивается, воплотив смысл своего существования. Что касается динамики культурных форм, образующих «живой» язык культуры, то ее объяснение мы связываем с деятельностью, энергетикой особого «источ-

ника» форм, их виртуального предшественника, который именуется Внутренней формой языков культуры.

Формообразование, или, если применить выражение О. Э. Мандельштама – «безостановочная формообразующая тяга»¹ – свойственно культуре во все эпохи: культура начинается, когда ми-

¹ Мандельштам О. Разговор о Данте // Мандельштам О. Избранное. М., 1991. С. 235

Татьяна Борисовна КУДРЯШОВА / Tatiana KUDRYASHOVA

| Внутренняя форма языка и культурная динамика / The Inner Form of Language and Cultural Dynamics |

роощущение отлагается в формы поступков, речи, изображений, знаковых движений; культура поддерживается и развивается за счет того, что любая значимая деятельность в ней завершается обретением своей внешней (видимой, осязаемой) формы. Эти внешние формы образуют отдельные регионы – языки культуры. Каждый язык культуры поддерживается в целостности и относительной автономности за счет своей Внутренней формы. Собственно культурное наследие, его главная и существенная часть – это накопившиеся в истории формы. Следуя, возможно, основному закону культуры «изменчивости-в-постоянстве» (Я. Э. Голосовкер), создаваемые человеком системы форм, стимулируемые наличием в нем сознания абсолюта, создают, таким образом, саму возможность сохранения, так как увековечивание чего-либо в культуре – есть увековечение в форме, то есть в образе, идее, понятии².

Обратившись к аристотелевской категории формы (*morphe*), мы, прежде всего, учитываем ее развитие в рамках эйдологии, в результате чего понятие формы значительно обогащается и приобретает спектр значений, позволяющих, подчас, отождествлять ее с платоновским эйдосом, с идеей. Отсюда, вся область значений слова «форма» стала делиться на две части: значения слова «форма», которые связаны с понятиями «вид», «внешний вид», «наружность», «образ», которые относятся к *внешней форме*. А такие значения слова «форма» – эйдос как «прообраз», «идеал», «образец», «сущность», «идея», которые относятся к *внутренней форме*.

Говоря о Внутренней форме языка культуры, мы понимаем категорию *форма* не в значении внешней формы предмета, чувственной вещи, а в значении формы внутренней – как смысла, сущности, цели, движущей причины и возможности творческой реализации внешних форм и субъекта этой культуры. Внутренняя форма – это идея

² См.: Голосовкер Я. Э. Имагинативный абсолюта // Голосовкер Я. Э. Логика мифа. М. 1987. С. 124-127.

(*εἶδος*) с точки зрения ее развития³, момент ее развития⁴, это платоновская «идея», развивающаяся на протяжении всей истории человечества. Внутренняя форма, как и идея – это соединение «беспредельности и определенности», причем, «дающая познание» не просто о своей эмпирической случайности, но о своей познавательной ценности.

В случае рассмотрения Внутренней формы в контексте соотношения форма – содержание привлекает внимание трактовка формы в немецкой классической философии, где форма стала рассматриваться преимущественно в виде начала, привносимого в материальный мир, благодаря деятельности сознания. Следующим в разрешении проблемы форма-содержание, стало гегелевское разграничение на формы внешние и формы внутренние. Именно у него в тот период времени наиболее четко и ясно был выявлен двойственный статус формы: *нерефлектированная* – она *внешняя*, безразлична по отношению к содержанию, *рефлектированная* она становится *внутренней* – то есть самим содержанием⁵. Также, во многом благодаря Гегелю, распространено рассмотрение взаимоотношения формы и содержания в виде пары диалектических противоположностей, характеризующихся как единством формы и содержания, так и противоречиями между ними. Здесь возможны разные варианты развития: *меняющееся содержание*, может вызвать в конце концов принятие новой формы (здесь отношение форма – содержание стремится оставаться неизменным); форма может оставаться неизменной, но наполняться со временем разным содержанием (здесь отношение форма-содержание постоянно меняется); одно и то же содержание выражается в разных формах, в соответствии с кон-

³ В частности, этимологическое исследование слова *εἶδος*, воспроизводящее множество его дополнительных оттенков, проводит П. А. Флоренский.

⁴ См.: Бергсон А. Творческая эволюция // Бергсон А. Творческая эволюция. Материя и память. Мн. 1999. С. 349

⁵ См.: Гегель Г.-В.-Ф. Энциклопедия философских наук. Т.1. М., 1974. С. 298

Татьяна Борисовна КУДРЯШОВА / Tatiana KUDRYASHOVA

| Внутренняя форма языка и культурная динамика / The Inner Form of Language and Cultural Dynamics |

текстом. Заметим, что в структурализме не случайно с целью преодоления безразличности формы к содержанию – произошла переориентация на изучение не внешних форм, а так называемых структур. Вернее, понятие формы, в значении внутренней организации содержания, получило дальнейшее развитие в категории структуры. По сути дела, под категорией структуры и понимается внутренняя форма, в значении внутренней организации содержания.

Универсальные возможности формы связаны с таким ее важнейшим качеством, как способность образовывать иерархические и гетерархические структуры, движение в которых возможно как в направлении возрастания уровня формы (от внешних – к внутренним), так и в направлении понижения уровня (от внутренних – к внешним). То, что является формой на одном обобщающем уровне анализа (например внешние формы культуры, в которых мы, собственно, знаем и воспринимаем культуру как текстуальность), на более высокой ступени превращается в материю, в субстрат, в содержание, на основе которого внешним образом проявляется сущность данной культуры, ее Внутренняя форма или Внутренняя форма ее языка. Это указывает на свойство многозначности и динамичности данного термина, его приспособляемость к разным условиям. Поэтому по-прежнему будем считать, что формы, лежащие на более низком иерархическом уровне являются внешними по отношению к формам более высокого уровня, то есть, внутренним. В любом случае предполагается, что невозможно рассматривать соотношение содержание пары форма – сущность, не разделяя форм внешних и форм внутренних.

Для онтологической характеристики внешних и внутренних форм обратимся к двум типам многообразия, которые были описаны Бергсоном в его «Опыте о непосредственных данных сознания». Первый тип – это тип пространства или однородного времени: многообразие внешнего, одновременности, рядоположенности, порядка, количест-

венной дифференциации, различия в степени, числовое многообразие, дискретное и актуальное. Как видим, все это в полной мере характеризует внешние формы культуры.

Второй тип – тип, представленный в чистой длительности: внутреннее многообразие последовательности, расплавленности, организации, неоднородности, качественной различности или различия по природе; виртуальное и непрерывное многообразие, не сводимое к внешним дискретным формам – эти качества характеризуют сознание и Внутреннюю форму языка культуры.

Для культуры важны и те, и другие формы, однако, условием существования (увекочивания) языка культуры является наличие его Внутренней формы, так или иначе воспринимаемой всеми, или оказывающей влияние на всех. И, в этом смысле, форму культуры, как духовное явление, можно, вслед за Шеллингом и Кантом, рассматривать в качестве продолжения, завершения природной, пространственной формы, как ее зрелый органический плод⁶, но уже имеющего другую, виртуальную временную, природу.

Разнообразие форм культуры не случайно: оно с неизбежностью обусловлено как многообразием самого мира в его целостности, так и сложностью и глубиной внутреннего мира человека. В этом взаимодействии «двух глубин», нераздельных по своей сути, рождается нечто третье, а именно то, что обогащает человека и совершенствует мир, рождается культура с ее различными языками, как отношение, в процессе реализации которого совершенствуется его форма.

Как и положено «по законам мирового развития», к настоящему времени формы культуры прошли почти все «предписанные» им этапы: от синкретического состояния, к раздельному существованию и, наконец, предполагаем, что мы явля-

⁶ См., например: Шеллинг Ф. В. Й. К истории новой философии (Мюнхенские лекции) // Шеллинг Ф. В. Й. Соч. В 2 т. Пер. с нем. Т.2. М.: Мысль, 1989. С. 455-456, 478-485.

Татьяна Борисовна КУДРЯШОВА / Tatiana KUDRYASHOVA

| Внутренняя форма языка и культурная динамика / The Inner Form of Language and Cultural Dynamics |

емя свидетелями движения к новому единству, но уже не к молчаливому, а к «говорящему» единству диалога, творческого обмена, «дара и отдаривания» разных форм культуры.

В этом единстве языки культуры не просто создают братство людей в пространстве и времени⁷, образуя целостную среду, но выступают носителями и хранителями всех когда-либо бытовавших впечатлений, и обеспечивают, тем самым, непрерывность трансцендентального опыта, преодолевающая темпоральную конечность и ограниченность отдельного индивида. Среди форм культуры мы можем обнаружить и строго научные, и волнующие художественные, привычно и неизбежно обыденные, почтительно религиозные, таинственно мистические и пр.

Знаково-символическая сторона любых форм культуры имела и имеет особое значение. С возникновением достаточно широкого спектра языков культуры и знаний о ней появляется и сравнительная оценка ее различных форм. Особое место среди них занимают формы, связанные с умозрительным знанием о фундаментальных началах бытия. Именно поэтому Платон уже в своих ранних произведениях так много внимания уделяет непереводаемому понятию «софросина» (свойство души, знание знаний, стремление к «предельной общности», знание, возникающее на основании знания добра и зла, «умственное целомудрие», самопознание)⁸. Поэтому разговор об «умственном целомудрии» (целостной мудрости – и исцелении (от слова целый), как возвращении к ней) в первую очередь вызывает ассоциации с платонической линией в культуре, с возникновением феномена *Единого* в качестве интуиции, мифологемы, философемы, познавательного образа, теории. Но и в аристотелизме, как известно, существование первоначала

не отрицается. Именно поэтому Аристотель, в какой-то степени, выражая пафос классической античной философии, завершает первую главу «Метафизики» словами о том, что высшее знание – есть знание «об определенных причинах и началах». Но в то же время эти знания являются и самыми трудными для постижения, ибо они «дальше всего от чувственных восприятий». Отсюда, делает вывод Аристотель, те «науки», которые больше всего занимаются первыми началами, должны быть и наиболее строги (Metaph. I 2).

Мы бы интерпретировали эти слова следующим образом: Внутренние формы культуры как формы мышления о первоначалах исследуемого явления культуры должны включать в себя момент ответственности, так как через первоначала и «на их основе познается все остальное, а не они через то, что им подчинено», а вслед за этим и любой постигаемый смысл становится значимым только тогда, когда он «зиждется на ответственности»⁹. Но, в то же время, отметим и другой аспект развития представления о культуре: почтительное отношение к знаниям универсального порядка не должно означать принижения значения знания *живого*, конкретно актуализированного. Именно поэтому под языками культуры понимается широкий спектр вербальных и невербальных, образных и логических, знаковых и символических средств, позволяющих воспринимать и постигать культуру, понимать, переживать, чувствовать, объяснять и описывать ее, создавая представления, образы, мнения, концепты, произведения искусства, системы знаний, различного рода теории, да и в целом культурную картину мира каждого индивидуального сознания. Это естественные национальные языки, невербальные языки, функционирующие в виде языка жестов, мимики, других телодвижений, внутренние монологичные языки, выразительные

⁷ См.: Розеншток-Хюсси О. Избранное. Язык рода человеческого. М.; СПб., 2000. С. 38-39.

⁸ Термин обычно переводится как рассудительность: см. Примечания А.Ф. Лосева к диалогам «Алкивиад I», «Хармид» // Платон. Сочинения. В 4 т. Т. 1. С. 757, 763-764.

⁹ Нанси Ж.-Л. В ответе за существование // Интенциональность и текстуальность. Философская мысль Франции XX века. Томск: Изд-во «Водолей», 1998. С. 311.

Татьяна Борисовна КУДРЯШОВА / Tatiana KUDRYASHOVA

| Внутренняя форма языка и культурная динамика / The Inner Form of Language and Cultural Dynamics |

средства науки, искусства, религии, мистики, мифа и т.д.

Однако такое многообразие привело к неоднозначному эффекту по отношению к культуре и к ее языкам. Хотя со времен античности в европейской философии развивается интуиция о наличии некоего координирующего первоначала создаваемого человеком духовного мира, парадокс истории состоит в том, что Аристотель, как один из мыслителей, определенно поставивших вопрос об общих первоначалах и причинах, открыл, в то же время, линию (а в конце концов стал и символом соответствующего направления) бесконечной дифференциации и дробления человеческого представления о мире. Возможно, что именно вследствие «слабости» (по сравнению с Платоном) языка Аристотеля, не использующего возможности поэтики речи, многозначности художественной и мифологической форм, вследствие логической формальности отдельных аристотелевских положений, касающихся первоначал, вся история человеческой культуры разворачивается так, что изначально внимая целому, человек, постепенно осознавая сложность этого единого, начинает дробить его на части. И данный процесс зашел так далеко, что в наше время мы, к сожалению, вынуждены признать *потерю целостности* не только нашего знания о мире, но и нашего пребывания в культуре: а ведь человек «нигде больше, кроме как в целом мире, себя не узнает»¹⁰. «Упущение» мира как целого уже дало и еще даст о себе знать – в возникновении множества социальных и культурных реалий разного рода. Выделим из них два феномена: появление множества языков (к ним мы относим разнообразные естественные и искусственные языки, языки науки, искусства, обыденности, религии и т.д.) и безудержный рост количества знания, преимущественно несистематизированного.

Рассмотрим влияние на культурную ситуацию указанных социальных феноменов, за которыми, возможно, кроется одна из решающих при-

чин «когнитивного диссонанса» (Ф. Хайдер), сопровождающего развитие современного общества, и характеризующегося тем, что не до конца реализуется стремление личности к связному и упорядоченному восприятию своего отношения к миру. Как известно, «когнитивный диссонанс» («полужнание») возникает из-за неспособности овладеть знанием как целостностью в условиях общества, «перенасыщенного» информацией.

Сам факт роста количества языков культуры имеет безусловно положительное значение, так как позволяет видеть мир под разными углами зрения. Но «обратной стороной медали» стало то, что во многих случаях терялось взаимопонимание между носителями разных языков, пользователями разных знаковых, символических, терминологических систем. Кроме того каждый исторический период определенная совокупность языков образывала свою актуальную языковую парадигму. В результате последовательной смены языковых парадигм было накоплено столько частных знаний на множестве языков, что за ними потерялось целое. Надеемся, что оно потерялось лишь «субъективно» и каким-то образом присутствует, однако нередко создается впечатление, что оно присутствует «только в нашем надрыве от того, что его нет»¹¹. Поэтому со временем возрастает «тоска по целому», появляется желание охватить явления мира да и сам мир – в его единстве, без дробления, без дифференциации аспектов, способов, подходов.

Однако, здесь возникает вопрос о принципиальной возможности осуществления этого стремления – в новых исторических условиях «знакового загрязнения», накопления огромного количества знания: и устаревшего, и актуального, и потенциального, как в его открытых (экзотерических) так и в скрытых (эзотерических) формах. Зададимся вопросом, на что можно опереться в своем стремлении постичь целое: на огромные, часто несистематизированные массивы данных, представленные во множестве самых разных языков куль-

¹⁰ Бибихин В. В. Мир. Томск: Водолей, 1995. С. 142.

¹¹ Там же. С. 144.

Татьяна Борисовна КУДРЯШОВА / Tatiana KUDRYASHOVA

| Внутренняя форма языка и культурная динамика / The Inner Form of Language and Cultural Dynamics |

туры, *либо* на нечто единое, объединяющее все эти знания и языки, лежащее в их основе и служащее их источником, энергийно-смысловым ядром?

Думается, что ответ очевиден: никакая, даже в самых глобальных масштабах проведенная индукция, не сможет объединить все исторически накопленное человеком (как в области содержания так и в области форм) в нечто единое целое, уж слишком разнообразен и разнолик, а во многом и случаен, эмпирический материал. Следовательно, выход один, и это понимали множество исследователей на протяжении всей истории человеческой мысли: выход в поиске и экспликации, по возможности, единого, всеединого основания, лежащего в основе человеческой деятельности и культуры в целом.

Однако, выбранный путь с необходимостью должен сопровождаться, как сопутствующим, но вспомогательным процессом – процессом *систематизации и сжатия* имеющегося знания. И в этом качестве нам могут помочь некоторые из сторон опыта постмодернизма, которые служат самым разным целям, но при вдумчивом отборе позволяют решать проблемы плюралистичности, рефлексии в отношении сложившихся культурных ценностей, пересмотра права монополии на истину. Как мы предполагаем, наиболее эффективным механизмом для обработки знаний может стать «*символический обмен*», в качестве универсальной формы, позволяющей включать знания в активный процесс взаимного обмена на основе самоограничения, аннигиляции и «очищения» от «знакового загрязнения», от излишнего, выработанного, вторичного и т.д.¹² Ведь специфика современного мышления состоит в том, что оно существует в ситуации «повышенной семиотической сложности», в пространствах искусственных сущностей и языков, что само по себе дает «опасные предпосылки»¹³ для глоба-

лизации хаотичного накопления обесмысленной информации.

Данная попытка поиска единого основания языков культуры не является оригинальной: подобные цели ставились неоднократно. Однако, нередко эти изыскания сопровождались другими, довольно скептическими высказываниями, относительно возможности достижения подобной цели – выявления единого основания культуры и языка, то есть сомнениями в самом существовании такого основания. Думается, что подобного рода дискуссии в основном сводятся к *проблеме Единого*, которая впервые была эксплицирована, как таковая, в критике Аристотелем Платона. Эта тема всегда привлекала внимание исследователей, в частности, блестящий анализ происхождения проблемы и ее развития, на основе огромного историко-философского материала, дан в творчестве А.Ф. Лосева и др.¹⁴

В нашем опыте важно определение своей позиции в понимании Единого (с учетом имеющихся интерпретаций и реинтерпретаций) не просто как начала и завершения иерархической лестницы Бытия, но как *прообраза для понимания принципа создания структуры любого сложного явления*, в нашем случае – языка культуры – неизбежно завершающегося единым основанием.

Не менее важен выбор *уровня* дифференциации идей, восходящих к Единому, и находящихся на нижележащих слоях дедуктивного ряда, а также самих категорий. В данном случае это уровень умозрения (Ума, Нуса), на котором мы выделяем одну из ведущих категорий философии Платона *эйдос* и сравниваем ее с аристотелевской категорией *формы*. Обе эти интуиции мы привлекаем для определения искомого нами первоначала, ко-

¹² См.: Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М., 2000. С. 328-347.

¹³ См.: Бавильский Дм. Критика: последний призыв // Знамя. 1999. № 12. С. 148.

¹⁴ См., например: Лосев А. Ф. Критика платонизма у Аристотеля // Лосев А. Ф. Миф. Число. Сущность. М., 1994. С. 527-632; Лосев А.Ф. Бытие. Имя. Космос. М., 1993. С. 346-458; Лосев А.Ф. Очерки античного символизма и мифологии. М., 1993. С. 287-708. Любичев А. А. Линии Демокрита и Платона в истории культуры. СПб., 2001; Платон и его эпоха. М.: Наука, 1979.

Татьяна Борисовна КУДРЯШОВА / Tatiana KUDRYASHOVA

| Внутренняя форма языка и культурная динамика / The Inner Form of Language and Cultural Dynamics |

торое, являясь началом и истоком языка культуры, одновременно, будучи актуализацией Единого, занимает определенную позицию в процессе расхождения, и становится промежуточным звеном, способным к самоактуализации. То есть это *творческое начало культуры*, способное в свою очередь породить множество ее актуальных состояний и способов функционирования языков.

По мнению многих исследователей, различная интерпретация понятия Единого является не просто одним из центральных расхождений платонизма и аристотелизма, но и причиной возникновения «двух культур», двух важнейших линий в истории человеческой мысли. Эти линии, различающиеся доминирующим типом мышления, языком, стилем, мировидением и степенью консерватизма, в эпоху Возрождения переросли в два совершенно различных культурных течения: романтическое и просветительское; в XIX веке были обозначены Дильтеем в его противопоставлении наук о духе и наук о природе; а в 60-х годах прошлого столетия привели к дискуссиям, вызванным, по словам Ч. Сноу, проблемой «двух культур», отражающим противопоставление типов мышления (право- и левополушарного, образного-логического, иррационального-рационального), методов наук гуманитарных и естественно-математических, искусства в целом и науки, а также разных художественных стилей и эпох: риторической (рефлексивного традиционализма) и постриторической, классической и неклассической, миметической и неоплатонической, аполлонической и дионисийской, традиции и новизны, порядка и хаоса. В совокупности все это привело к раздумьям о судьбе их взаимоотношений¹⁵, а в нашей

стране выразилось в распространении дискуссий о «физиках» и «лириках» («Что-то лирики в загоне, \ Что-то физики в почете»¹⁶).

Указывая на противопоставление «двух культур» И. Берлин выделяет такие его аспекты как специальное и уникальное или повторяющееся и общее, универсальное, конкретное или абстрактное, вечное движение или покой, внутреннее или внешнее, качество или количество, зависимость от культуры или вневременные принципы, борец духа и самоизменение как постоянное состояние человека или возможность (и желательность) покоя, порядка, окончательной гармонии и удовлетворение всех разумных человеческих желаний. Многие явления классического подхода обязаны тому, что традиции, следующие философской системе Аристотеля, разрушили изначальную цельность умственного самосознания, а также нравственный и эстетический смысл внутренней жизни человека, сводя его к «отвлеченному сознанию рассуждающего разума». Этим он принципиально отличается от Платона, чей способ философского мышления сохраняет умственную цельность и является более гармоничным «в умственной деятельности разума»¹⁷.

Таким образом, к середине XX века нарастающее расхождение между «двумя культурами» в значительной степени привело к утрате взаимопонимания между их представителями. В философии эта проблема нашла свое отражение как проблема соотношения интуитивного, эстетического и логического в познании, теоретико-практическом освоении человеком действительности, в разговорах о том, что научно-технический прогресс вытесняет

¹⁵ См.: лекцию «Две культуры и научная революция» в кн. Сноу Ч. Две культуры. Л., 1973; Тарнас Р. История западного мышления. М., 1995; Шопенгауэр А. Основные идеи эстетики // Шопенгауэр А. Избранные произведения. М.: Просвещение, 1993. С. 413-415; Аверинцев С.С. Риторика и истоки европейской литературной традиции. М., 1996. С. 150; Ницше Ф. Рождение трагедии из духа музыки. Предисловие к Рихарду Вагнеру //

Ницше Ф. Соч. В 2 т. Т.1. СПб., 1998. С. 19-23; Кудряшова Т.Б. Две культуры (о соотношении научного и художественного познания) // Научные школы и направления ИГАСА. Иваново, 1999. С. 147-150.

¹⁶ Слуцкий Б. Стихотворения. Избранное. М., 1970. С. 36.

¹⁷ Абрамов А.И. Оценка философии Платона в русской идеалистической философии // Платон и его эпоха. М., 1979. С. 222.

Татьяна Борисовна КУДРЯШОВА / Tatiana KUDRYASHOVA

| Внутренняя форма языка и культурная динамика / The Inner Form of Language and Cultural Dynamics |

искусство, как низшую форму интеллектуальной деятельности и т.д. Постмодернизм, как кажется, снял остроту вопроса, но, по видимому, всего лишь за счет информационного хаоса и запутывания проблемы до неузнаваемости.

Мы, как факт, принимаем сложившуюся дифференциацию культуры, понимая достоинства и слабости ее различных направлений. Но последующий путь должен быть связан не с продолжающимся расхождением, а с полезным разным сторонам сближением, единением на общем основании, которое, безусловно, должно быть Благом, в котором также сочетаются традиции и изобретения, порядок и хаос, порядок и новизна. При этом единое основание культуры, характеризующее, в одном отношении, порядок и традицию, в другом отношении постоянно приобретает новую жизненную силу за счет изобретения, хаоса и новизны, так как «в конечном счете любое индивидуальное новшество обогащает общий порядок: время узаконивает новинки, награждая их оправдательным достоинством»¹⁸, и аполлоническое всеединство обогащается дионисическими мотивами и оттенками.

Таким образом, в платонической традиции Единое имеет онтологически полионтичный, неформальный, жизненный, творческий, диалектический смысл. Как первопринцип и первоипостась оно есть полное и абсолютное тождество во всем одного и иного, та первосила, которая энергично порождает из себя «и всякое оформление и всякую бесформенность». В дальнейшем Плотин детально развивает эту идею: Единое есть всеобщий смысл и идея всего сущего и не-сущего, формы и материи. Оно есть абсолютное тождество и неразличимость формы и материи.

Расхождения в толковании проблемы Единого при некоторых условиях могут иметь решающее значение при обсуждении темы основания культуры. Мы обычно наблюдаем за жизнью от-

дельного языка культуры и даем его целостное описание, в котором и внешние формы языка, и непосредственный содержательный материал слиты и нераздельны. Эти формы могут быть систематизированы. Но если мы интересуемся языком культуры не с точки зрения того, как он нам дан в частном опыте, а с точки зрения того, как он нам представляется, то есть дать его логику, смысловую структуру в исходно логическом аспекте, то в этом случае мы сможем выделить в нем некоторые абстрактные моменты, и с помощью размышлений, разделяя их на основе «расхождений по природе», затем объединить их вновь. В результате получим некую виртуальную структуру языка, которая не будет языком, но будет ее «полным мыслительным коррелятом». Последний будет основан на языке культуры, но по смыслу станет самостоятельным и достойным отдельного рассмотрения. Во времени, по отношению к реально функционирующей культуре он, возможно, и будет вторичным, но логически он предшествует культуре, «как ее план, как ее образец, как ее первообраз». Таким образом, внешние формы языка культуры подчиняются неким сущностным структурам, объективным законам, имеющим всеобщий характер.

В реальности, наблюдая культуру и анализируя внешние формы ее языка, пользуясь им, мы переключаем чисто мыслительную установку на созерцательно-чувственную. Работа же с идеальными структурами имеет свои собственные законы, она не может удовлетвориться наблюдением лишь эмпирических фактов. В идеальной, мыслительно-смысловой картине языка, конечно, можно отметить те же моменты, которые даны в реальной культуре, но здесь мы их мыслим, а в культуре они лишь присутствуют. Скажем, такое качество большого числа языков, как *ассоциативность*, в деятельности языка, в речи позволяет на основе одних его элементов, вызывать представление о других элементах. Но в речи ассоциативность только *вызывает* представление, и мы совсем не обязаны по этому поводу рефлексировать. А вот рассуждая об

¹⁸ Борхес Х.Л. из кн. «Земля моей надежды» // Иностранная литература. 1999. № 9. С. 179.

Татьяна Борисовна КУДРЯШОВА / Tatiana KUDRYASHOVA

| Внутренняя форма языка и культурная динамика / The Inner Form of Language and Cultural Dynamics |

основах языка, мы должны обязательно выделить это качество и уметь с ним работать, уже независимо от ситуаций, в которых оно реально участвует. Когда же мы представим и опишем все подобные качества языка и способы их взаимодействия, то получим некую структуру или некий объект, с его специфическими законами структурообразования, который не только абстрактен, виртуален или потенциален, но он, самое главное, – реален, и имеет самостоятельное бытие, правда, во времени, и потому для нас схватываемое только мыслью. Таким образом, основание культуры (ее идея или Внутренняя форма) вовсе не похоже на реально существующий язык культуры (ее текст), хотя является главной ее причиной и решающим образом влияет на эмпирическое функционирование культурных феноменов. Творческий момент приобретает здесь решающее значение. То, что актуализируется, способно к самоактуализации, к творческому преобразованию, в том числе, и под воздействием случайных факторов. Поэтому в данном случае, сколько бы мы ни собирали и ни систематизировали эмпирические языковые явления, мы никогда не выйдем только на основе этих действий к основополагающей идее языка культуры, хотя подобная систематизация может косвенным образом навести нас на верные мысли относительно этой идеи. Обращение к гумбольдтовской традиции и принятие обозначения основания языков культуры как их Внутренней формы¹⁹, позволяет видеть во Внутренней форме «форму форм» как завершение целостной системы форм данной культуры и в пределе – культуры в целом.

Чем выше уровень формы, тем труднее она поддается рефлексии: если внешним формам мы обучаемся в процессе образования, то внутренние формы языка и культуры даются нам, как писал С. Н. Булгаков, «в меру человечности»²⁰, им обучиться невозможно (как и вкусу), и интуиция внут-

ренней формы языка культуры априори существует в нас, «одевая мысль раньше речи»²¹. Однако такая интуиция, позволяя пользоваться языком, в то же время требует, в нашем случае, осмысления, то есть мы должны не только попадать под влияние данной культуры и пользоваться ее языками, но и уметь ее представить умозрительно на всех этапах активизации: от потенциального (виртуального) к актуальному.

При любом обращении к языку культуры это означает, что чем выше уровень рассматриваемой нами языковой формы, тем более она является причиной и движущей силой функционирования языка, имманентным источником его деятельности (*energeia*) на основе его субстрата, то есть вполне определенного набора внешних форм, с которыми мы и имеем дело, когда обращаемся к культуре, когда в ней живем или ее изучаем.

Если говорить об онтологическом статусе «формы всех форм», то Внутренняя форма может быть представлена как *виртуальный объект*, так как виртуальный объект реален (но не актуален и поэтому не может восприниматься в пространственных категориях), имеет собственную онтологию в составе полионтичной парадигмы, способен порождать другую реальность, отличающуюся от самой порождающей, и содержит в себе, как единое, все потенциальные актуализации (генеративность). Это тот «первичный, глубинный слой действительности», просвечивающий сквозь все языки культуры, «словно через некую чуждую ему самому среду-медиум»²². Именно поэтому каждая актуализация виртуального объекта – это творчество и развитие.

Прежде всего отметим, что внутренняя форма, как виртуальная, чисто умозрительная вещь, в которой форма и содержание еще не разделены, должна на чем-то проявлять свое действие внешним образом, то есть актуализироваться и

¹⁹ См.: Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию: Пер. с нем. М.: ОАО ИГ «Прогресс», 2000.

²⁰ Булгаков С. Н. Философия имени. СПб., 1998. С. 56.

²¹ Там же. С. 14.

²² Кассирер Э. Философия символических форм. Т. 3. М.; СПб., 2002. С. 11.

Татьяна Борисовна КУДРЯШОВА / Tatiana KUDRYASHOVA

| Внутренняя форма языка и культурная динамика / The Inner Form of Language and Cultural Dynamics |

разделяться на составляющие (дифференцироваться в терминологии А. Бергсона). Основным стимулом к актуализации служит активность субъекта культуры. Направленность сознания на какой-либо объект приводит к появлению соответствующего потока феноменов сознания и в результате, «виртуальная форма» начинает обретать «виртуальное содержание» в виде наших переживаний, мыслей, поступков и т.п..

При этом культурная форма придает нашим переживаниям определенность и в некотором смысле увековечивает их в форме. По выражению Э. Я. Голосовкера, смысл «формы», как таковой, скрывает в себе смысл понятия «постоянство». «Инстинкт культуры» в том и заключается, чтобы создавать постоянство, совершенство, вечность – как антитезу изменчивой действительности²³.

Однако, здесь возникает проблема, связанная с тем, что «постоянство» формы вызывает ассоциации со статичностью, застоем, догматизмом. Разрешение проблемы и «оправдание» формы связано с разделением-соединением пространственных и временных категорий. Когда мы говорим о «форме вообще», подразумеваем при этом, как правило, их «внешний вариант». Внешние формы мы обычно мыслим в пространственных категориях, поэтому подобное понятие ассоциируется с пространственной статикой. Однако, внешние формы подчинены формам внутренним, которые как категории умообразные, категории эйдологического порядка, могут быть мыслимы прежде всего в категориях длительности, в категориях времени, в категориях деятельности. Поэтому ее «постоянство» означает постоянство динамичное, постоянство длительности, в пределе – вечности. Этим различением форм мы полностью снимаем проблему статичности и застоя, так как *внутренняя форма – есть постоянство развития, все новых и новых актуализаций, воплощений, это творчество, это непрекращающееся движение*, заставляющее внешние формы подчиняться его замыслам.

²³ См.: Голосовкер Я. Э. Имагинативный абсолют. С.120.

В то же время между внутренними и внешними формами, существует «творческое» взаимодействие, которое становится явным при условии, что внешние формы мы будем мыслить не только в пространственных категориях. Например, мы можем начертить круг, можем его стереть, но независимо от физического существования нашего изображения, существует «логическая сущность круга», то есть «возможность быть начертанным по известному закону»²⁴ – это внутренняя форма круга. Но в то же время данная внутренняя форма круга – есть идеальная внешняя форма, которую создала культура, и которой нет в природе. И таких внутренне-внешних форм в культуре бесчисленное множество.

С одной стороны, подобная внутренне-внешняя форма придает определенность, ограниченную, например, пространство, определенностью объемных или плоскостных очертаний; временную текучесть процесса – устойчивостью его элементов, связью этих элементов, их количественных и качественных отношений; звучание – звуками естественного языка, гармонией, музыкальной формой; мышление – логическими конструкциями, образами фантазии; познание – его логическими, экспрессивными, интуитивными и пр. специальными качествами. Но с другой стороны, подобные ограничения придают предмету особую глубину смысла, способствуя проявлению внутренней стороны формы. И те идеальные внешние формы, которых в их идеальном виде нет в природе, но которые создала культура, благодаря их относительному постоянству – *гораздо энергичнее*, чем природные формы, *способствуют выявлению внутренних форм*, внутреннего смысла культуры в целом, и ее отдельных аспектов.

Так ограничения, накладываемые на поэтическое слово (ритмика, рифмика и пр.) придают поэтической речи особую глубину, звучание и значение, а наличие геометрических фигур явля-

²⁴ Бергсон А. Творческая эволюция // Бергсон А. Творческая эволюция. Материя и память. Мн. 1999. С. 305.

Татьяна Борисовна КУДРЯШОВА / Tatiana KUDRYASHOVA

| Внутренняя форма языка и культурная динамика / The Inner Form of Language and Cultural Dynamics |

ется одним из условий, позволяющих математически описывать и исследовать мир. Например, то, что создается, в том числе, и в искусстве – «это не просто «коллективное бессознательное», а целая череда форм, которым в творчестве писателей со временем придаются новые значения»²⁵. Даже грамматические и синтаксические формы (правила) естественных вербальных языков – придают речи особые смыслы, обогащающие обычные отношения означающее – означаемое. В этих формах, как на особом «формульном языке», зашифрована информация, идущая со времен создания мифов и языков, или даже из домифологических эпох. Овладение этим «формульным языком» может происходить на рациональном уровне, как это наглядно видно в работах О.М. Фрейденберг, В.Я. Проппа и др., и интуитивно, обычно у натур художественно одаренных. То есть внутренняя форма и определяет внешние формы, и определяется ими, а вся культура пронизана энергетикой утверждения, увековечения форм и, в то же время, стремлением их изменить или создать новые. Если воспользоваться возможностями тропов, то форму можно сравнить с *силой*, которая стимулирует содержание *быть*, и, в то же время, заставляет его находиться в определенных рамках возможных состояний, а внутренняя форма таким же образом влияет на внешние формы. Благодаря этой силе, как в классическом понимании, устанавливаются определенные отношения «между способом организации и собственно материалом, из которого данная вещь состоит»²⁶. Именно на взаимодействии внутренне-внешних форм основан «символический мен», позволяющий, в случае его успешности, реализовать «без остатка» любую интенцию.

Заметим, что указание на первоначало языка культуры встречается, подчас, в довольно отличающихся контекстах, помогающих раскрыть его

онтологию интересно, глубоко и неординарно. Так, например, Деррида в своей грамматологии, заметивший, что в языке «сама явленность различия и его функционирования предполагают первосинтез, которому не предшествует ничто абсолютно простое», утверждает, что «без удержания опыта времени в некоей мельчайшей единице, без следа, удерживающего другое как «другое в самотождественном», не могло бы появиться никакое различие, никакой смысл»²⁷. Тем самым он иносказательно подчеркивает значение единства Внутренней формы языка культуры – для возникновения множества культур с их еще более обширными полями внешних форм, для которых бессмысленно строить цепочки причинно-следственных связей, надеясь, что они приведут к единому основанию. Путь «по следу» не ведет к первоначалу, хотя само первоначало мотивирует возникновение этих «следов».

Сам вопрос о едином основании языка культуры мог возникнуть только при условии существования множества реально существующих культур, иначе, при наличии лишь одной – вопрос об основании был бы бессмысленным. Заметим, что аналогичное утверждение выдвигают и биологи, говоря, что ни одна экосистема не может выжить, будучи однородной моносистемой. Как спасение живой природы – в ее разнообразии, так спасение культуры – в ее многообразии.

Поэтому наша интерпретация основания языка познания неизбежно подразумевает единство мира, обуславливающее само стремление сознания конституировать свои объекты, а человека – действовать, в свете этого единства, в языковой среде, также подчиненной указанному принципу. Однако, мы допускаем, что даже «неверие» в объективное единство мира и его первоначало, не отрицает возможности признать, что, феномены культуры предстают более эффективными и цельными в своем движении, если воспринимаются в свете Единого

²⁵ Веселовский А. Н. Историческая поэтика. Л., 1940. С. 272.

²⁶ Грицанов А. А. Содержание и форма // Новейший философский словарь. Мн., 1999. С. 631.

²⁷ Деррида Ж. О грамматологии. М., 2000. С. 188.

Татьяна Борисовна КУДРЯШОВА / Tatiana KUDRYASHOVA

| Внутренняя форма языка и культурная динамика / The Inner Form of Language and Cultural Dynamics |

го, нежели как беспорядочный набор мыслительных, языковых и культурных практик.

В терминах деконструктивизма Внутренняя форма языка предстает как «динамика различАния», неразложимый «прото-синтез», открывающий возможность овременения, отношения к Другому, и являющийся условием всякой языковой системы, а потому не могущий быть ее частью²⁸. По своему интерпретируя неологизмы Деррида, можно сказать, что Внутренняя форма языка культуры, как прото-след, не существуя в качестве установившегося пространственного объекта, – есть чистое движение, порождающее различие. Сама его возможность предваряет все то, что называют знаком, означаемым-означающим, содержанием-выражением и пр., то есть любое выразительное средство, включающее умопостижимые понятия, движения, чувственные данные и т.д. Содержащееся в ней различАние уже включает в себя возможность их противопоставления в парах, и таким образом является «процессом формирования формы»²⁹. Но в то же время этот процесс формирования происходит «под впечатлением» прото-следа, который зависит не только от допредикативных структур сознания, но и от конкретного культурного типа субъекта.

Возможно, что самая главная внешняя форма, выработанная человеческой культурой с ее Внутренней формой, – это *слово*, символизирующее собой устойчивость знания и гарантию такой устойчивости. Именно со словом связаны важнейшие для человечества смыслы жизни, любви, любомудрия, блага, вечности. Их основополагающее значение подкрепляется грамматикой, звуковым образом слов и пр. Но ни одно слово не могла бы играть подобной роли, не будь оно включено во всеохватную «языковую игру» с участием *всеединного основания подлинного человеческого интереса* к миру – Внутренней формой языков культуры, не позволяющей этой игре превратиться в пустую

болтовню. В то же время, когда визуальные коммуникации вытесняют вербальные, как это наблюдается ныне, неизбежны изменения роли слова. Как справедливо отмечает Умберто Эко, не стоит в очередной раз делать из этого трагедию, необходимы разумные и взвешенные действия по сохранению и развитию преимуществ любого из языков, а вербальные и визуальные языки всегда могут удачно дополнять друг друга.

Творческая составляющая культуры возникает в процессе актуализации ее Внутренней формы, так как именно в процессе обращения сознания к ней созидаются различия в процессе переживания культуры. Движение от виртуального единства Внутренней формы к многообразию внешних выражений реализуется как жизненный процесс переживания и осмысления, с внутренним источником вариативности познания. Последнее – это широкий спектр «способностей» человека, актуализируемых Внутренней формой и самоактуализирующихся по мере изменения условий жизни в культуре. Можно представить, некий единый трансцендентальный уровень Внутренней формы и культурной памяти, обладающий реальностью, виртуальным многообразием (концентрацией вокруг «ярких точек» индивидуального плана), и по своему актуализирующийся в сознании каждого субъекта. Но то, что сосуществует в виртуальном, перестает сосуществовать в актуальном, и распределяется по отдельным линиям культуры и линиям ее индивидуального восприятия, которые не могут быть суммированы. Однако каждая из них удерживает целое, но в определенной перспективе, с определенной точки зрения. Поэтому эти линии, конкретные феномены нашего переживания культуры созидательны – они актуализируют, лишь творя, изобретая, и, благодаря им, возникают новые культурные формы. Причем, эти культурные формы сохраняют свою связь с целым в виде некоторой сущностной относительности, но в то же время в процессах их самоактуализации и модификации возникают случайные моменты. Последние осо-

²⁸ См.: Там же. С. 185.

²⁹ Там же. С. 189.

Татьяна Борисовна КУДРЯШОВА / Tatiana KUDRYASHOVA

| Внутренняя форма языка и культурная динамика / The Inner Form of Language and Cultural Dynamics |

бенно становятся заметными при переходе от временных форм к пространственным, когда содержание мышления на определенном этапе начинает соотноситься с определенным типом материальных внешних форм, из которых складывается языковое выражение нашей мысли, наших переживаний («мысль изреченная есть ложь»). И в этом преобразовании форм язык, как движение, в определенной мере отчуждает себя в творимой им материальной внешней форме: актуализируясь, дифференцируясь, он утрачивает прямой контакт с тем, что служило источником его становления. Каждый сложившийся язык культуры, с одной стороны, «закрывается» на самого себя, образуя систему внешних форм, некоторые элементы которой могут носить случайный (не обусловленный закономерностями актуализации) характер. И это связано с тем, что язык не может существовать по-другому, так как его целое существует только виртуально. Язык культуры возникает в деятельности лишь через деление, через актуализацию, дифференциацию и трансформацию форм, а потому не может собрать в целое свои актуальные части, остающиеся внешними друг другу.

Однако, с другой стороны, все языки культуры так или иначе соотносятся между собой – через Целое, поскольку их частные Внутренние формы есть актуализация Внутренней формы культуры вообще, а потому каждая из них хранит в себе «ответ» Целого, благодаря которому возможен диалог культур. Это означает, что у каждого языка культуры обязательно есть что-то неспецифическое, так как культура открывается в направлении универсальной Внутренней формы и связана с ней. О наличии такой открытости, централизации, связи говорит то, что мы можем находить тождественные структуры в культурах, находящихся на далеко отстоящих линиях и пользующихся разными материальными внешними формами. Но в то же время, Внутренняя форма, актуализируясь во множестве культур, дифференцируется, и тем самым создает несходные средства, новые направления – языки

культуры, способные к дальнейшей самоактуализации. И последний фактор является причиной возникновения множества культур, так как его направления не существуют в законченном виде, а сами создаются по мере того, «как действие пробегает через них»³⁰. Правда, заметим, что это относится прежде всего к творчеству, в том числе и к языкотворчеству, процесс которого постоянно «корректируется» в зависимости от его актуальной эффективности. Таким образом, каждый из отдельных языков культуры представляет собой парадигму линий актуализации, соответствующего виртуального уровня, и каждый раз он должен актуализировать парадигму способностей субъекта культуры с такими качествами, чтобы создать условия для разворачивания того, что прежде было лишь свернутым, потенциальным.

Именно благодаря тому, что сознание владеет Внутренней формой языка культуры, в каждом конкретном случае актуализируется определенный стиль (способ, форма) деятельности. Однако, содержание этого процесса деятельности становится нам доступным, только будучи облеченным в форму, а именно – в языковую культурную форму, являющуюся по отношению к сознанию, в определенном аспекте внешней. В зависимости от объекта внимания и способа переживания этого объекта, языковые формы меняются, так как каждый раз происходит подбор наиболее адекватных форм для выражения данного типа переживания конкретного объекта. Под влиянием Внутренней формы организация процесса подбора форм реализуется наиболее оптимальным образом.

В этом контексте Внутреннюю форму языка культуры можно рассматривать как

³⁰ См.: Бергсон А. Творческая эволюция // Бергсон А. Творческая эволюция. Материя и память. Мн. 1999. С. 104-114.

ПОЛИТИКИ ПАМЯТИ И КУЛЬТУРНАЯ ДИНАМИКА / POLITICS OF MEMORY

Татьяна Борисовна КУДРЯШОВА / Tatiana KUDRYASHOVA

| Внутренняя форма языка и культурная динамика / The Inner Form of Language and Cultural Dynamics |

виртуальность, как универсальную конститутивную (интерсубъективную) априорность, как становящуюся онтологию, в силу того, что ее актуализация представляет собой развертывание универсального языкового априори, которое «сущностным образом врожденно трансцендентальной субъективности, а, следовательно, и интерсубъективности, или как развертывание универсального логоса всякого мыслимого бытия»³¹.

Самое важное то, что априорность Внутренней формы языка культуры не только не исключает возможность креативного действия в культурной среде, но и *стимулирует* его

творческий характер. Здесь на каждом этапе взаимодействия с миром культуры осуществляется оптимальное согласование внутренних интенций данной культуры, со способами субъективного ее переживания и с системой имеющихся исторических форм культуры. Без этого не мыслимы ни свобода, ни творчество. Таким образом, в каждом акте культурного действия, субъект не только включается в формальную систему универсальных временностей, но и «конституирует себя для себя самого»³², что безусловно является творческим актом.

---

³¹ Гуссерль Э. Картезианские размышления // Гуссерль Э. Логические исследования. Картезианские размышления... – Мн.: Харвест, М.: АСТ, 2000. С. 520.

---

³² Там же. С. 415.

